

ПУТИ К БОГУ

Пути к Богу так же многообразны, так же богаты, как человеческие души и как глубины Самого Бога, и путь к Богу начинается с веры. О вере я и хочу сказать несколько слов.

Часто люди путают понятия веры и суеверия или просто наивной доверчивости. На самом деле вера ничего общего не имеет с суеверием и очень мало — с наивностью. Вера начинается всегда с конкретного религиозного опыта. Что-то случается с человеком, что внедряет в него непоколебимое убеждение в том, что невидимый мир существует, что Бог жив и действителен.

Вера не совпадает с самим опытом. Святой Макарий Великий в одной из своих проповедей очень интересно это раскрывает; он рассказывает, как человек, который переживает глубокий религиозный (можно было бы даже сказать — просто человеческий) опыт, уходит в этот опыт совершенно; пока этот опыт имеет место, он не может ни его проследить, ни за собой следить. Он и опыт совпадают совершенно. Но приходит момент, когда этот опыт перестает быть актуальным, — как море, которое отходит от берега; постепенно опыт ступеньевается, делается прозрачным, и человек снова приходит как бы в полное, объективное сознание, может себя самого переживать, за собой следить, уловить то, что происходит в его душе. И вот в этот момент начинается область веры, то есть совершенной уверенности в том, что ставшее невидимым, не являющееся актуальным опытом данного момента — безусловно и совершенно достоверно. Человек еще весь полон переживаний, которые были в нем несколько секунд до того. Они для него так же достоверны, — нет, я скажу: более достоверны, чем вновь открывающееся осознание окружающего мира. И вот здесь начинается область веры. Человек уверен в реальности того, что теперь стало невидимым. Как я уже сказал, это относится не только к вере в Бога, это относится ко всем глубочайшим переживаниям: любви, захватывающей радости, горя, в котором мы можем потонуть. Это относится ко всему, что так глубоко, что мы всецело в это уходим. И когда мы из этого выходим, это не остается в нас только мертвым, умственным воспоминанием. Это прибавило к нашей жизни знание, опыт; и этот опыт, когда он относится к Богу (или к человеку), можно назвать верой.

И вот пути к Богу бывают разные; согласно словам и примерам Священного Писания, можно говорить об опыте апостола Павла, с одной стороны, а с другой — об опыте апостола Петра и прочих апостолов.

Павел был гонителем, врагом Христа. Не потому, что он был безбожник, не потому, что он ненавидел веру, но потому, что представление, которое у него было о Боге, никаким образом не могло совместиться с тем, что он видел во Христе. Бога беспомощного, Бога уязвимого, Бога как будто побежденного, презренного он себе не мог представить, потому что он верил в Бога Святого, недоступного, сияющего такой славой, что человек слепнет, когда подходит к Нему. И он стал гонителем. Но всей душой он верил в Бога, он устремлен был к Нему, он жил Им и для Него. И он встретился лицом к лицу с воскресшим Спасителем Христом, то есть с Тем же Богом, Которого он видел беспомощным и Который вдруг явил Себя во славе: с Богом, носящим пронзенную гвоздями плоть, и в то же время сияющим славой вечной жизни.

Это в какой-то мере было и моим опытом: я открыл Христа именно как воскресшего Христа, в момент, когда впервые читал Евангелие для того, чтобы

себя убедить или, вернее, убедиться в том, что все это неправда и что нельзя верить.

Но вы скажете: это исключительный опыт; какая же для меня в этом надежда?.. Надежда, может быть, гораздо большая, чем та, которую мы можем получить от исследования, от труда, от искания. Часто нам не дано искать. Книг — нет; Евангелие — недоступно; нет никого, кто бы наставил. И вот мы можем спокойно, с совершенной уверенностью думать и знать, что Господь может нас разыскать непосредственно, открыться глубинам нашей души в опыте, которого человек создать не может, но который Бог может нам подарить, именно даром. Так в начале этого столетия стал верующим протестант барон Николай* — один из членов ранних кружков студентов в Ленинграде, который в момент глубокого отчаяния, не будучи в состоянии найти Бога и одновременно чувствуя, что без Него жизнь бессмысленна, воскликнул: “Господи, если только Ты существуешь, откройся мне!” И вдруг на него сошел непостижимый покой, такая глубина переживания и радости, которой он до того никогда не переживал; и в этой глубине и радости он нашел Бога. Это кажется очень нелогичным. Но разве логичен опыт любви, опыт красоты? Его можно разложить потом и сделать как будто убедительным. Но не из составных частей он создается, а от непосредственного, глубинного опыта, который более убедителен, чем все составные его части.

Но есть иной путь, путь других апостолов, путь Петра. Они Христа открыли постепенно, не внезапно. Они Его знали по селению, в котором Он жил; они Его знали как молодого человека, как юношу. Может быть, Он их поражал Своей личностью, но они еще не видели в Нем Бога. И постепенно Он им начал раскрываться в такой глубине, что они стали познавать, что Он — не как все. Постепенно, постепенно раскрылся Он им во всем величии Своего Богосыновства: Сын Божий, ставший человеком. Так случилось раскрытие веры в людях, которые годами, постепенно Его открывали, день за днем, год за годом. Это путь искания. Но и этот путь в какой-то момент совпадает с путем Павла; в какой-то момент что-то случается, чего никто не мог предвидеть: вдруг какая-то пелена разрывается, и человек видит, видит во славе, в сиянии, в глубине то, чего не познавал раньше.

Вы скажете: “Христа мы не встречаем, как они встречали...” Да, но мы встречаем людей, которые знают Христа, которые веруют в Него. Есть старое присловье: никто не может отречься от всего, чтобы последовать Богу, если не увидит на лице хоть одного человека сияние вечной жизни... Иногда человек сияет. Иногда мы находим в человеке такую глубину, такой простор любви, самозабвения, который уже не принадлежит земле. Это нам раскрывает уже начало небесного.

Вот два пути, по которым можно пройти: один путь, требующий громадной, строгой подготовки, и другой путь — искания медленного, вдумчивого, который тоже в какой-то момент увенчивается встречей. И здесь начинается вера.

На пути к Богу очень важно уметь справедливо, умно делать различие между проблемами и преградами, которые стоят на дороге. Проблема — это задача, которую надо решить. Перед проблемами стоит ученый, мыслитель, перед проблемами стоит человек в течение всей своей жизни. Они не обязательно являются преградами: наоборот, они полны увлекательного интереса; для того, чтобы решать эти задачи, стоит жить. По отношению к Богу эти проблемы бывают иногда страшно мучительны; вместе с Иовом иногда

хочется сказать: “Господи, я Тебя не понимаю! Я Тебя знаю как Любовь, верю в Тебя — и минутами так страшен тот мир, который Ты допускаешь”. Такими проблемами можно назвать проблемы зла, бессмыслицы, проблему, которая стоит перед человеком, когда он потерял ребенка — и не может понять: как это может быть. Это — богатая почва встречи между премудростью Божией и умом человеческим, и человек имеет право, больше того: он обязан вглядываться в эти проблемы, вдумываться в них и разрешать их с помощью опыта, но всецелого опыта, не только ума, а целостного человеческого опыта, и с помощью веры.

Но на пути к Богу стоят также преграды, которые не являются задачами или проблемами; они стоят между нами и самим вопросом о Боге, о мире, о человеке. Бывают нравственные преграды. Я помню человека, который мне говорил, что он всей душой хочет встретить Бога, но что-то ему не дает. Я его спросил тогда: “Что бы вы сделали по отношению к человеку, который поступил плохо: вы его простили бы или осудили?” И он с искаженным злобой лицом сказал: “Я бы его изничтожил!” — “Благодарите Бога, — сказал я ему тогда, — что Он не является вам: если бы Он теперь встал перед вами — Он, Который является Всепрощением и Любовью, — вы не устояли бы на суде”...

Есть другие преграды: психологические, умственные, которые не дают нам добраться до самой задачи, до самой проблемы, которые не позволяют нам правильно, справедливо, умственно справедливо сформулировать самую проблему. Это — предвзятые мысли, какие у нас есть; например, нелепые, карикатурные представления о Боге, о Церкви, о Христе, которые не соответствуют ничему, которые надуманы, но раз мы их приняли, мы не можем разрешить этого вопроса, потому что такого Бога нет, и поэтому связанных с Ним вопросов решить никак нельзя.

И есть еще преграда: это — априорное наше отношение к тому, как подходить к вопросам жизни. Сейчас наука играет такую громадную роль (вполне справедливо, и я радуюсь этому), что нам кажется, будто все вопросы должны решаться так, как решаются научные вопросы, и мы хотим применить чисто научные методы к темам, к которым они неприменимы. Мы же не применяем методов физики к биологии, методов химии к истории. С какой стати мы должны применять методы физических наук к области человеческой души? Я когда-то занимался наукой, в частности физикой. Всякий физик может разложить музыкальное произведение на составные части, разобрать их математически, превратить в кривые; это называется акустикой, но это не называется музыкой. После того как вы анализировали физическими приборами музыкальное произведение, у вас никакого представления нет о том, прекрасно оно или ничтожно, потому что восприятие красоты в музыке происходит на другом плане. И вот если мы хотим справедливо, умно подойти к проблеме о Боге, надо, с одной стороны, с большой смелостью формулировать эти проблемы, но формулировать их по отношению к реальной ситуации, то есть по отношению и к Богу реальному, и к человеку, и к жизни ставить вопросы с предельной остротой и справедливостью; и с другой — быть страшно осторожным, чтобы не воздвигать ложные преграды в этом искании, создавая себе такие образы, которые нам будут мешать и формулировать проблему, и ее разрешить, так как формулировка будет невозможна из-за карикатуры, с которой мы начинаем, а анализ проблемы будет невозможен, потому что мы к нему подойдем методами, применимыми к другим предметам, но ни к истории, ни к человеку, ни к духовной жизни, ни к Самому Богу неприменимы.